

КОСМИЗМ И ТРАГИЗМ

Русский философ Николай Анисин и его «Клад»

"Отриньте Героев,
Получите крыс..."
Гераклит (V в. до н.э.)

НЕДАВНО ВЫШЛА В СВЕТ беспрецедентная по своему внутреннему трагизму книга российского философа и историка, одного из архитекторов главного народно-патриотического издания "Завтра", Николая Анисина.

Книга имеет название "Клад", и название это в полной мере отражает главные системообразующие мысли, заложенные автором. Если говорить образно, под Кладом здесь понимается неразрывная совокупность двух ипостасей: Клада духовного и Клада земного.

Когда знакомимся со структурой текста, то, на первый взгляд, складывается впечатление, что ткань рвётся, что сюжет содержит некоторое количество малосвязанных между собой историй. Действительно, по сути, повествование вроде бы состоит из трёх отдельных смысловых частей, которые в стиле "Декамерона" соединены между собой лишь общими героями.

Однако при внимательном прочтении и осознании написанного, резко выясняется, что это не так: текст един, ибо пронизан одной мыслью, независимой от того, какой персонаж это Кредо озвучивает.

Скажу сразу: в мою задачу не входит сделать пересказ сюжета, фабулы или даже краткий путеводитель по книге. Думаю, читатель самостоятельно разберётся с этим — работа стоит того. К тому же, спойлеры, как известно, резко снижают интерес к аутентичному тексту. Я кратко остановлюсь лишь на структуре романа-эпоса (по-другому просто не могу его назвать) и на некоторых скалярных смыслах — разумеется, в том ключе, в котором они видятся мне.

Всё повествование построено в классическом стиле "Диалогов" Платона: вопросы и ответы. Но если у Платона диалоги велись между Сократом и его идейными противниками, то у Анисина они ведутся между единомышленниками, которые отличаются друг от друга лишь тем, что представляют разные культуры, Россию и Запад.

В первом диалоге сам автор беседует с довольно крупным британским меценатом, предпринимателем и управленцем в отставке, путешественником по Индии Стюартом. Во втором — дочь Стюарта Кейт, прилетевшая в Москву с целью создания крупной монографии по истории СССР, делится своими мыслями с потомственным инженером, программистом, выходящем из крупнейшей семьи, отнесившейся к советской технической интеллигенции, Александром, по кличке Саша Мономах.

Между двумя этими диалогами перед нами разворачивается мистическое эссе, где в невообразимой для современной литературы форме проводятся яркие параллели между разорванным Советским Союзом и погибшей Атлантидой. Эта наиболее поэтическая часть произведения — по сути, поэма в прозе — чем-то напоминает начало "Мёртвых душ" Н.В. Гоголя.

Первая и третья части во многом посвящены описанию процессов разложения советской элиты, её метаморфоз. Из "красной", которая стремилась к Звёздам и всемирному неограниченному благу, она превращается в пластично-буржуазную слизь, помышляющую лишь о земных радостях, о том, как бы полнее передать накопления и должности по наследству своим обожаемым гламурным чадам.

Вторая же часть принципиально отличается от остальных, это Песнь сталинской эпохе, хвала Поклолению Героев. В ней же аккумулируется и мощный посыл в будущее. До 1954 года Страна Советов являлась единственным в мире гособразованием, в котором были заложены основы Новой Атлантиды, способной к любым чудесам, считает автор. Иначе она не сломила бы хребет в разы более сильному Гитлеру, и не стала бы к середине 1950-х годов победоносной альтернативой миру капитала.

А если такая цивилизация не исключалась в XX веке, то она вполне возможна и в нашу эпоху.

Вообще, выводы героев Николая Анисина часто бывают парадоксальны: к примеру, один из них считает, что Ель-

цин в глубине души оставался коммунистом, а строить паразитический капитализм ему пришлось, повинувшись воле обстоятельств.

Идя вразрез с большинством современных представлений о событиях 1998–2000 годов, Николай Анисин устами своих героев раскрывает и приход к горнилу власти действующего президента России В.В. Путина.

Дело в том, что, осознавая Примакова как своего личного врага, а действующего премьера Степашина — как весьма слабого и нерешительного человека, неспособного на поступки, Ельцин восхитился волчьей хватке одного из чиновников АП, скромного подполковника государственной безопасности, который при этом не боялся сыграть против самого Ельцина.

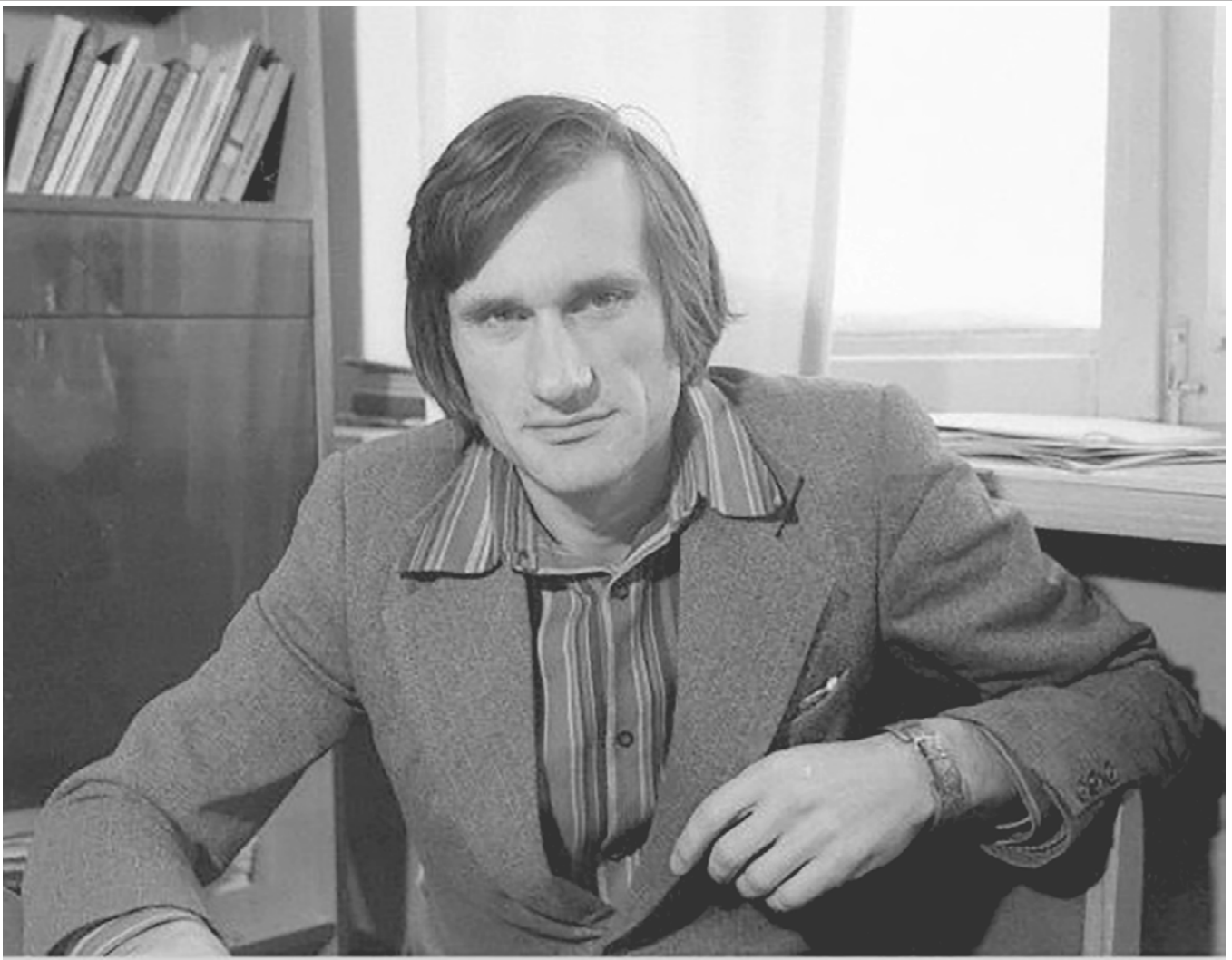
Несмотря на прямое поручение президента привлечь ненавистного лично ему Собчака к уголовной ответственности и ознакомить бывшего питерского мэра со всеми прелестями исправитель-но-трудовых учреждений, скромный чиновник Путин под носом у всех контролирующих структур сумел организовать Собчаку побег и вывез его во Францию.

Казалось бы, за такие выкрутасы этого скромного чиновника неминуемо ждало как минимум изгнание с госслужбы, но Ельцин восхитился и призвал подполковника Путина к себе.

Он увидел в нём себя, т. е. человека, который, вопреки всем обстоятельствам, умеет прогрызть единственно нужные решения и единственно способе, с одной стороны, остановить практически преддешённый распад страны, а, с другой, нейтрализовать стремительно набравший популярность тандем Лужкова и Примакова.

Я ДОЛГО ПЫТАЛСЯ ПОНЯТЬ: что же такое, по мысли Анисина, Клад? Где он спрятан? Как его найти, а если нашёл, то как применить? Не проесть-пропить же, в самом деле. И мне кажется, что я приблизился к пониманию замысла автора.

Думаю, Клад — это Золотой Ключик от нашего будущего. Не будущего мега-

1978 год. 24-летний Николай Анисин — директор сельской школы в Калужской области

корпораций и запуганных плембеев, а той прекрасной и непостижимой Атлантиды, которую мы, благодаря сонным и продажным элитам, однажды уже потеряли.

Легит он себе на дне одного Богом забытого пруда, и только некая Черепаша Тортилла контролирует информационные потоки о его действительном местонахождении. И лишь людям с чистыми душами и помыслами — таким, как герои Николая Анисина, — удастся его заполучить вновь.

Отдельным штрихом должен упомянуть абсолютную экзистенциальность

автора; он пишет безо всякой оглядки на текущую конъюнктуру, общественные сдвиги, досужие рассуждения современников, — и это чувствуется сразу, с первых же страниц. Его взгляды целены, фундаментальны, выстраданы. Анисин как будто говорит словами одного из своих самых интересных и непознаваемых героев — крупного советского учёного дяди Мити: "Я есмь, а кто и что про меня талдычит, мне — как муравью стук дятла".

Отдельно скажу: роман написан прекрасным русским языком настоящего мастера, а уж на фоне современной

беллетристики и публицистики даже политические беседы о Путине в "Жан-Жаке" воспринимаются как лучшие образцы литературы русского Серебряного века, и я не преувеличиваю.

В завершение напишу одно. Работа Николая Анисина заслуживает того, чтобы с ней ознакомились не только лишь представители патристической общестственности, но и, в принципе, все люди, для которых достоинство — не пустой набор звуков.

Николай СОРОКИН

ПИЦЦА ДЛЯ МИЛЛЕНИАЛОВ

О мультсериале «Полночные откровения»

В 2020 ГОДУ вышел мультсериал "Полночные откровения" ("Midnight gospel"), состоящий из 8 небольших серий, укладываемых в 20 с лишним минут каждая. О сериале, исполненном насилия, психоделической эстетики, нецензурной лексики, скатологических мотивов и примитивного раблезианства не стоило бы писать вовсе, если бы не одно фундаментальное "но": этот коммерческий продукт создан с претензией. В чём состоит эта претензия? В том, чтобы дать философию современному усталому сознанию. Наше внимание равно оправдывает тот факт, что и с обратной стороны, со стороны зрителя, превращённого в потребителя контента, сегодня существует запрос на подобную продукцию. Спрос и предложение здесь взаимно формируют друг друга. Почему это происходит?

Идея смерти человека, сформированная европейской философией в XX веке и нашедшая сегодня своих проповедников в среде постманистов, несостоятельна ни в теоретическом, ни в практическом плане. Говоря о том, что человек умер, то есть о том, что он перестал существовать в качестве феномена и не обладает исключительностью, европейская философия изначально предполагает отсутствие человека, мысль его как эпифеномен некоего целого, будь то природа, структуры знания или прочее. Иными словами, то, смерть кого объявлена, и не существовал вовсе. В основе идеи смерти человека лежит интеллектуальный подлог, неподкупная логическая тавтология: умер тот, кого не было.

Насколько бы мощна ни была сегодня постгуманистическая пропаганда, человек остаётся человеком, то есть тем, кто обременён сознанием, той первичной хаотичной свободой, которая указывает на то, что он не исчерпывается описанием на языке природы. В человеке есть роковая метафизическая избыточность, которая беспокоит его и составляет предмет его исконной заботы. Человек не имеет роскоши осуществить желание расстаться со своей человечностью, он вынужден овладеть сферой своего сознания, установив правила в той области, в которой ему не способен помочь инстинкт. История человечества — это история великих традиций, тех символических систем, посредством которых человек обживает свой внутренний мир. Слом культур, безвременье обнажают перед человеком его главную задачу. "Моя жизнь была лучше, чем у большинства миллениалов, которые сейчас крутятся, пытаются понять, кто они есть и что они будут делать. Я такого не переживал. Я всегда знал, кто есть я, я всегда знал, что я должен делать. Я это принял", — заявляет один из ключевых персонажей мультсериала. Вот так завидное и недостаточное знание о том, кто ты есть, и составляет суть послания авторов сериала. Великие цивилизации и локальные культуры одна за другой канули в Лету, современный человек среднего возраста испытывает недоумение относительно того, кто он есть. Он ни во что не верит, он не обременён идеей, даже страсти его ослабли. Вот к такому сроднестатистическому "миллениалу" обращён мультимедийный гиру, который буквально предлагает "духовную пищу" его истощённому внутреннему миру.

Из чего состоит эта пицца? Её состав прост и предсказуем. Это смесь несложных рассуждений по мотивам буддизма и оккультизма. В ходе мульт-проповедей ненавязчиво упоминаются Тибет и популярный мак XX века Алистер Кроули, тантра и Библия, поэт-суфий XIII века Джалалад-дин Руми и американский автор ньюэйджевского толка Рам Дасс, идея промежуточных состояний, именуемых в буддизме "бордо", и буддийская концепция "сеть Индры", суть которой можно свести к тезису "всё во всём". Неудивительно, что при таком синкретическом подходе, опирающемся на самих по себе синкретичных авторов, отождествляются Христос и индуистское обезьяноподобное божество Хануман, магические практики и медитации, Библия и оккультные книги. Откровения мультсериала сводятся к нескольким утверждениям: о принятии смерти как данности, пребывании в режиме осознанности, отказе от эго, стремлении к просветлению и саморазвитию. Как резюмирует один из персонажей, "в магии просветление именуют солнечным самознанием. Солнечное сознание означает, что ты полностью в настоящем моменте... Смысл жизни состоит в том, чтобы максимально приблизиться к божественству, а затем распространить эти лучи человечеству". Вот это солнечное сознание и предлагается авторами сериала как гопсрел, новая благая весть. Апофеозом проповеди, разворачивающейся на фоне освещенного фарша, в котором всё буквально оказывается во всём, не исключая человека, на глазах превращающегося

в космические котлеты, является визуальная метафора преодоления Уробороса. Мы видим известный древний символ змея, кусающего себя за хвост, и мультимедийную пифию, заканчивающую своё чревоувеичание пересечением этого магического кольца. Отныне свободная от циклической природы жизни, вечного чередования рождений и смертей, приносящих только страдания, она растворяется в манящей неизвестности.

Синкретизм симпатичен и востребован современным сознанием не только потому, что в своей поверхностности не выискателен к знаниям и образованию своих последователей, но и главным образом потому, что по существу своему состоит в том, чтобы удерживать человека от принадлежности традиции. Традиция требует решительности, она требует перемены ума и по-двига. Она работает с человеком во всей его тотальности, изнутири организуя его жизнь. Эта организующая сила не знает исключений, всё подчинено её логике. Синкретизм позволяет остаться на берегу, вне этой внутренней работы, наедине со своим пресловутым "эго", от которого на словах призывают отказаться. Синкретизм оберегает наше маленькое "я", раздувая его в нашем воображении до целого мира. Мультсериал свидетельствует о том, что XXI век ушёл недалеко от века XX с его интересом к божественному и сакральному по ту сторону Бога, с западным любопытством к фасадам восточных религий, привлекательных именно тем, что они лишены Бога в христианском понимании этого слова, а потому будто бы индифферентны к фигурам власти. Но власть — это, прежде всего, внутренняя власть над собой, способность себя упорядочить. Эта способность сплона реализуется только в традиции, открывающей горизонт трансцендирования и спасающей от ограниченности собственной субъективности. Традиция — это то, что в тебе, но больше тебя и независимо от тебя. Это то, чему ты принадлежишь. Знать, кто ты есть, можно лишь тогда, когда ты находишься в традиции, ибо традиция есть сознание, которое предшествует индивидуальному. Только собор обладает привилегией упаковать бесконечное в конечные символические формы. Только в пространстве "мы" открывается Бог. Адресаты современных "евангелий" не готовы к самовозрощению, к установлению внутренних законов, имеющих опору в трансцендентном и абсолютном. Страшась радикализма внутренней жизни, они принуждены скользить по поверхности тел и слов. Неудивительно, что героями проповедей рассматриваемого мультсериала оказываются мистики сердца, как Руми, или, как Кроули, сторонники учения Телемы, провозглашающие: "Твори свою волю, таков да будет весь закон". Иными словами, все те фигуры и доктрины, которые в оптике синкретизма могут быть оценены как принципиально пластичные, приспособляющиеся к скромным запросам индивида, не готового увидеть себя в перспективе онтологического расширения. Или, говоря иначе, глазами Бога.

Чем вызвана необходимость преподносить эту несложную философию в столь специфической упаковке? Помимо возможного желания увлечь и развлечь неискушённую аудиторию, дать ей "эрилизщ", говорить с ней "на одном языке", очевидно, что окружение основного нарратива скабрёжным визуальным рядом и обшечной лексикой является чистосердечной попыткой авторов сериала работать с сознанием зрителя. Парадокс, преувеличения, нарушенная логика, картинки, подывигающие социальные и эстетические нормы, смакование насилия и эффектов телесного низа вкупе преподносятся как способ прорвать ткань обыденного восприятия, настроить на восприятие предлагаемой "духовной пицци". Форма поистине соответствует содержанию. Там, где когдато человек обнаруживал интимное, сегодня орудуют молотом дизайнеры нашего восприятия, не требующего нашего присутствия по отношению к себе. Любая религия имеет технику, но эта техника, как бы экзотична она ни была, — будь то епитимья в православии или удар палкой от мастера дзен, — направлена на то, чтобы оборотить человека к самому себе, запустить внутреннюю работу в нём. Техника плотно влетена в символическую ткань традиции, каждый её элемент осмыслен. Сериал идёт по известному пути, пропагандируемому одним из его идейных вдохновителей Рам Дассом, который в рамках своего учения утверждал, что наркотический опыт открыл ему истину. Транслируемая эстетика ЛСД готова заполнить последние поры внутреннего, предав забвению беспокуюнюю тоску современного человека по самому себе.

Наталья РОСТОВА

ЗА ОКНОМ СМЕРКАЛОСЬ. Снежное небо, подсвеченное деликатным бульварным светом, сквозь незанавешенные окна вваливалось своей жемчужной пронзительной серостью в потёмную аудиторию. Свет никто не зажигал, похоже, все насладжались этой предновогодней феерией с парящими снежинками. — Как же Москва идёт зима!... Ну что, давайте начинать? — Аллочка задумчиво улыбулась, бросила на нос очки и, нагнувшись над своим еженедельником, пробежалась по списку фамилий. — Вижу, что все есть. Нет только... та-а-а, вот, да — нет Лозинской. Как всегда. Вы передайте ей, что будет отчисление. Литературный институт непросто закончить даже тем, кто исправно ходит. — Она знает, — буркнул Марков, двинув стулом. — Ну и хорошо. Всё, начинаем. Аллочка скинула очки с носа, и они, нежно щёлкнув дужками, упали на блокнот. Она порывисто встала и, обойдя стол, села на его край перед студентами.

— Сегодня будет немного странная тема. Сначала обсудим, а потом уже начнём писать. Хорошо? — Ага... — Тема "последний русский". Всё, что угодно, пожалуйста! Даже публицистика разрешается, всякая синтетика, небрежность... Сегодня меня интересует образ. Один-единственный. Раскрыть не сможете, но приоткрыть надо. Подумайте.

— Упс! — Сумарокос хихикнул, — а почему не "последний еврей"? — Потому что я так сказала, Пётр. Сложные ассоциации. Давайте, Вы первый. — Блин. Так. Гардемарины. Поцелуй. Этот, как его... Боярский! Ну, хватит ржать, мешаете! У меня поток ассоциаций! — Сумарокос обернулся на смеющихся девчонок. — Сложные ассоциации, Петя! Что это из Вас полезло? — Алла Леонидовна, а можно я? — О! Класси Рада! Давайте, Вика. Пётр сегодня не в струе.

Вика молчала на всех творческих семинарах по прозе, отписываясь многосложными конструкциями с унылыми виньетками тонкого, почти отсутствующего смысла. "Тяжело и грустно" — так рецензировала уже много раз её тексты Аллочка, а Вика жалостно бубнила о поэзии, на которую её не приняли. Она всё глубже и глубже задыгивалась в тень на семинарах, одиноко и глубоко страдала, и один раз даже красиво разрыдалась, клянясь, что либо переведётся, либо вообще уйдёт.

— Наконец-то пробрало! — Аллочка развернулась всем корпусом к Вике, корча, засунув нос в огромный шарф, нервно моргнула. — Это будет неореализм, Алла Леонидовна. Я пока просто накидаю. Основную линию.

— Лепите! Смелей! — Ну вот. Короче. Его звали Федя. Он жил в Париже. На модной улице, вдаль от цветных кварталов и дешёвых супермаркетов. Забросила судьба и амбиции. До этого недолго завоевывал Москву. Родился в Вологде. Он классно стриг. Правда, классно...

Началось всё со школы. То сё, друг попросил машинкой пройтись, стрижку подровнять сзади. Он прошёлся, и по косой рубанул ещё чёлку ножницами. Друг преобразился, похвалился пацанам, мол, дружба, бесплатно, модно стрижёт. Федя вдруг заинтересовался, загрузился ютубом, ночами учиться стал. Бабушку подстриг. Потом отца. Друга отца. Соседа. Соседа с первого этажа. А потом уже на молодёжь перешёл. Стриг легко, быстро. На десятый раз перенял, что имеет своё мнение, и стал пристальнее вглядываться в лицо клиента. Фигуру. Стиль. Характер. То-сё. За два месяца приобрёл в городе славу клёвого стилиста-самоучки. А через три месяца сдал худо-бедно ЕГЭ и опростетью рванул в Москву, в колледж парикмахерских искусств. Учился и параллельно работал, оплачивая комнатушку на Варшавке.

Открыл инстаграм. Завлэк нескольких рперов для отзывов и рекламы. Накрутил подписчиков. Снял студию параллельно с учёбой, работай в сети парикмахерских и походами по мастер-классам. Потом протиснулся-протолкался — чудом попал на съёмку актрисы из какого-то сериала, заядлой инстаграмщицы. Она под фотографией внесла его хэштегом и отметила сердечком. Так он за год влез в обойму модных стилистов, которые, путаясь в зонтиках, проводках и осветительных приборах, табуном носились с одного лофта на другой за инста- и кино-героями в нелёгком забеге под названием фото-сессия...

Стоп! Вика! Это всё ты будешь писать. Сейчас пока нужен просто эскиз. Небрежный, но смысловой. У тебя есть в голове законченная канва повествования? Или это просто предисловие без развития сюжета? — Поняла. Не пойдёт. Замолчала. — Вика повыше, до глаз натянула шарф, и по-коровьи уставилась на Аллочку. — Держите удар, Виктория! И теперь уже кра-тенько. — Алла включила свет и подошла к ней.

Добрые и безвольные глаза Вики начали наполняться слезами. Алла неожиданно перешла на "ты". — Ты — молодец, говоришь, как пишешь. Летим в Париж за твоим цюрильником. Дальше! В чём соль?

— Соль в том, что он стал модным парикмахером в вип-клубе для русских. В Париже. Сидя на горе бабла.

— Ага... — Аллочка в упор смотрела на Виду невидящим взглядом. — И-и-и?... — наконец протянула она, и как дирижёр подняла руку для финального вступления партии гобоя.

— Он — последний русский. Это у меня родилась такая сложная ассоциация. Французский особю не учил, так как со своим вологодским оканьем, нерасторопной основательностью, непринуждённой провинциальной открытостью, необывновенной вологодской самобытностью и абсолютной, сумасшедшей креативностью-независимостью, как настоящий Левша, был востребован, как последний истинный русский, — куда-то напряжённо вглядываясь, мимо Аллы и сквозь стены аудитории, отбарабанила Вика.

СУМАРКОВ ХМЫКНУЛ. Повисла тишина. За окном порхал снежок, мягко укладывався горочкой на откос и раму окна. — Умница! — Аллочка похлопала по руке Виду и пошла к своему столу.

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ

Рассказ

— А чё?! История. Там драматургию бы ещё! — Сумарокос заинтересованно посмотрел на Виду. — Так. Ладно. Вика. Один уточняющий вопрос. Неореализм — это куча мала терминов, течений, направлений и прочей ерунды. Вы, как студенты Литинститута, должны всё это знать. Давайте так. Неореалисты разрушали, чтобы создавать. Или просто на разрухе создавали, как итальянские неореалисты после войны. Это один из ключевых и элементарных признаков. Допустим, — я сейчас обращаюсь ко всем, — допустим, мы взрываем мозг читателю. Образуется воронка. Что мы должны создать на месте этой воронки? — Ну да. Заключительной фразой будет, что он ввёл новую моду на последних русских, став первым. Это, конечно, не взрыв мозга..., но это чёрная воронка гибельной необратимости, у которой, между тем, на дне — светлое будущее... — Вика, неожиданно прочуствовала и высоко оценив пророческий смысл своего расказа, с вызовом посмотрела на Аллочку. — Не взрыв. Но и не постмодерн, слава Богу!... Класси! — Алла удовлетворённо кивнула.

— Апокалиптические... Но согласен! Сейчас таких русских попрёт — мама, не горюй! Мы, между прочим, уже очутились после всего этого дерьмища (сорри). Это им только так кажется, в их негитянском Париже, что нас — качественных русских — не осталось в цивилизованном мире. А между тем мы все не на ракетах, а на русской провинции стоим! Весь мир! — откашлявшись, раздражённо засипел Марков. — И вообще, Алла Леонидовна, а в каком ключе вы сами мыслите? Что вы подразумеваете под этим словосочетанием?

— Не, Ром. Это я вас должна спросить. Я тут ни причём. А вы подключайтесь. Писать-то всем придётся. — Ну, я напишу, что последний русский будет последним человеком вообще. — А, ты хочешь сказать, что русские — это последние, кто вымрут? Живучие самые? Есть, например, нация поживучее, — вкрадчиво, улыбаясь всеми зубами, заметил Гоша Соломонин. — Началось! — закатила глаза Вера, сидящая рядом с Гошей.

— Да я говорю, Гош. Просто говорю, а не хочу сказать, — не поворачивая головы, невозмутимо проговорил Рома. — Блин, почему; где русские — там сразу евреи! Надоело уже! — Вера отвернулась к окну, всем своим видом показывая, что ей неинтересно всё происходящее.

— Может, вообще запретим слово "русские"?! — восторженно заржал Гоша. — А может, евреев запретим?! — по-прежнему не оглядываясь, боднув подбородком воздух, отрывнулся Марков, стукнув каблуклом мартинсов по ножке стула. — Алла Леонидовна, почему такая провокативная тема?!

— Жизненная тема, Ромыч. Где русские, там и евреи. У каждого русского должен быть свой любимый еврей. Ещё Розанов сказал, — меланхолично потягиваясь, встал Водег. — Вот блин! — Вера, шаркнув, развернулась боком, нервно положила ногу на ногу, и достала вейп, словно прямо в аудитории намеревалась закурить, — а я наполивину бурятка, но я почему-то о бурятах молчу!...

можно, последний в очереди. Или последний в списке. Или опоздавший. Это анекдот. Зарисовка быта 80-х. Это образ далёкой галактики. Это про роботов. Это... море тем и персонажей. Но, в конце концов, если всех так тянет на патриотику, то это сказка о трёх братьях. Старший — Восток, средний — Запад, младший — Россия, дурак, последний, а всех перехитрил. Ну, кvasцом таким похихавает, но что же делать, коли так и есть, и коли вы хотите про геополитику?! Большой, блин, вопрос! — Вольдемар деланно развёл руками в сторону преподавательницы. — Вот я, кстати, тоже так думаю. Вовик!... В том же направлении, по крайней мере, — Петя Сумарокос горячо потряс над партой сомкнутыми руками в виде рукопожатия. — Ребят, кстати, а вы что так на слово "русский" реагируете?! Вых, вообще-то, в России живёт! — расширив глаза и прижав ручки к груди, шёпотом-криком проплеталась Сашенька, самая нежная и поэтичная натура на курсе. — Нет, мы на слово "последний" реагируем, Шура! Успокойся! — издевательским тоном парировал Рома Марков. — Можно я выскажусь?... — Сашенька порывисто встала, — Я согласна с Викой. Миром начинают править по-хорошему и по-настоящему особенные люди. Настоящие. Самобытные. Свободные, умеющие уходить в отрыв, умеющие создавать мир с нуля. Как боги. Единственные, чудом выжившие ангелы великих империй прошлого своей страны. Вика права! — последние и первые! Это русские, ясно вам? Последние русские. Я это напишу, например, — Сашенька также порывисто села и нагнулась над планшетом, последние слова говоря экрану. — Ишь ты, "ангелы империй"! Проханов прям какой-то! — присвистнул Водег. — Всё! Стоп! Сидите, пишите. Умоляю — сложные ассоциации. Образ один. Систему не устраивайте, нет времени. Дискуссию завершаем. И, кстати, кто не в струе, не в духе и не в ладах с темой — вспоминаем и записываем диалоги семинара, спасаемся стенограммой. Наталия, просящийся, тоже касается... — Алла Леонидовна руками изобразила крест как рефери: "Брейк!", и отошла к окну.

В СНЕЖНЫХ СТРИХАХ московского зимнего вечера, черпая снег ногами, неспешно шли люди. Сосредоточенные и уставшие. На голове Герцена лежала огромная шапка снега. Деревья, провода, ограда, обсыпая напротив в туманном январном мареве фонарей и метели стояли такие белоснежные, прекрасные, тихие, уютные... В потемневшем стекле, насаивавшаяся на пушкинский ампиг Тверского бульвара, отражались студенты, пишущие о последнем русском. "Как там она сказала: "...чёрная воронка гибельной необратимости, а на дне её светлое будущее..."? Ох, Господи!... "Ангелы"! — горько усмехнулась Аллочка, слегка покачав головой. — Но про "последние и первые" хорошо! Невероятный оборот, не ожидала. Не хотят верить в конец, русские... Устала как-то... Хорошо, что скоро Новый год. Господи, как хорошо!..."

Наталия СТЯЖКИНА